

Алеха Юшаева

Потерянные

16+

Алеха Юшаева

Потерянные

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Юшаева А.

Потерянные / А. Юшаева — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта легенда долгое время оставалась погребенной под слоем лжи и тумана. Пока он случайно не услышал её и не заинтересовался. Двое мужчин, влюбленных в тяжелобольную девушку, пытаются помочь, но она совершает самоубийство, а один из мужчин бесследно исчезает. Чего не хватает в этой истории, а что искажено до безобразия - предстоит выяснить чужому человеку.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Пролог

Мне всегда казалось нормальным, что родные и близкие навещают пациента, приносят ему гостинцы, радуют новостями с «того света», сидят у его постели и держат за руку, молча глядя в глаза. Это несколько умиляет, но сердце от этого не ёкает. Что удивительного в том, что твоя семья пришла к тебе в гости в больницу, узнать, как дела, идешь ли на поправку, хочешь ли ты чего-нибудь, чего так не любил на «том свете», а здесь внезапно захотелось? Пожалуй, ничего. Это абсолютно нормально, как и то, что твой лечащий врач делает утреннюю поверку ровно в восемь утра.

Да, больницы, различные госпитали, стационары, клиники имеют свою собственную атмосферу, которая не похожа на «тот свет». Там мы просто делаем, что хотим: едим, что попадется под руку, спим, где упадем, смотримся в зеркало, запачканное зубной пастой, принимаем душ, где проснемся, учимся, куда нас отвезет папа или мама, работаем, где предписала наша специальность, по вечерам занимаемся сексом с теми, кто будет не против или слаб, чтобы сопротивляться. Кажется, эти два мира идут параллельно друг другу, но это не так. В обычной жизни – хаос, в жизни больницы – порядок, чтимый не только персоналом, но и всеми, кто даже просто зашел записаться на прием. Они дополняют друг друга. Сказать честно, и параллельные линии пересекаются. И ничего так не удивляет до тех пор, пока две полосы не встретятся.

Как много лет прошло с тех пор, когда я впервые вошел в «больничный мир»? Как долго я уже считаю неотъемлемой его частью? Сложно подсчитать. Но можно вспомнить.

В двенадцать лет я сломал ногу: меня сбила машина. Мне пришлось провести около двух месяцев в больнице и еще месяц дома, продолжая сохранять законы «больничного мира». Естественно, переступив черту, разделяющую эти два мира, я не следовал правилам больницы. А зачем, как тогда мне казалось, если тут нет никаких врачей, медсестер, акушерок, хирургов, окулистов и тому подобных медиков? Приходящий раз в неделю доктор многозначительно кивал головой, прописывал новое лекарство и обещал скоро освободить от назойливых посещений. Потому соблюдать «больничный режим» мне казалось глупым.

Попав в больницу, я не удивлялся её странностям: меня сразу унесло волной под названием Больница, и я стих. Потому вернувшись домой, я не сходил с ума от того, что у меня было много энергии и мне некуда её девать. Больница забирала эту энергию и не отдавала.

Закончив школу, я не вспоминал, как провел более тысячи суток в четырех бело-голубых стенах. Поступил в медицинский на невролога, после университета, как то часто бывает, пошел в интернатуру к знакомому врачу. Меня несколько не смущали странные законы королевства Больница, я словно был рожден для них, как мне казалось. Через полторы недели моей практики врач обозлился на меня и послал в морг. На самом деле, посылая, он шутил, но шуток я не понимал с детства и действительно отправился в морг, где поговорил с медицинским работником, который на мои объяснения указал на черную дверь. Так для меня открылась загробная жизнь королевства. Но меня не огорчало, что приходилось днями и ночами сидеть за холоденьким столиком и записывать информацию об умерших. И никогда мне не выпадало встретиться с «живыми мертвецами».

Когда обо мне вспомнили в нейрохирургии, я заканчивал свой третий месяц практики в морге. Знакомый долго смеялся над моей бестолковостью, но, помня законы Больницы, он сделал вид, что не просто проучил меня, но и дал мне опыт общения с пациентами. Говорил, что живые ровно как мертвые, только дышат и говорят. Шутка это была или правда, я не знаю до сих пор.

В 24 года я полноправно мог считать себя медицинским братом. Но тут я задержался не долго, потому что доктора видели, как толпы санитарок и медсестер ходят за мной хвостом и не выполняют надлежащей работы. Просиживая штаны в приемных, обучился на глаз определять,

к какой области медицины относится болезнь сидящего напротив. Через еще некоторое время моего знакомого сместили, и я, как тот, за кого он поручился, оказался не у дел. Искал новую работу.

Именно в этот момент я почувствовал, что значит для меня мир больницы. Его атмосфера действовала не временно, а всегда. Почему, будучи ребенком, я адекватно реагировал на проведенное время в больнице? Я знал, что это «мой» мир. Охарактеризовать его сложно, но скажу, что он не просто спокойный, но и правильный. Там всё верно: начиная от количества кубиков в шприце медсестры, что сейчас воткнется в ягодицу пациенту, и заканчивая временем закрытия дверей здания на замок. Всё точно подсчитано, верно разобрано, гладко постелено, чисто помыто, красиво написано. Мир идеальности. Но не идеальный.

Продолжая искать работу, я попал в больницу на окраине города, где меня радушно приняли. Всё шло своим чередом: дни ползли за днями, одни больные выздоравливали, другие умирали, третьи только поступали. Казалось, что так и кончится жизнь. Но неожиданно для себя я открыл, что, как и любое другое королевство, Больница не могла обходиться без своего короля, а он, в свою очередь, не мог жить без королевы, и их должна окружать стража. Главное, что реально способствовало процветанию королевства, – это вера его народа, его «фольклор». И такой «фольклор» был в каждой Больнице.

Ходило множество историй и рассказов об истории места, о персонале, о пациентах, о секретных местах в здании. Кажется, что это глупо и что всё это придумано лишь для детей, которые не хотят спать. Я тоже так думал сначала. Пока мы не собрались всем нейрохирургическим отделением за чашкой кофе. Обычно что-то интересное рассказывал главный врач нашего ведомства, но в тот раз за это дело взялась одна из медсестер со вздернутым носиком. По-моему, её звали Каролина.

Глава 1

Это обычная история о двух влюбленных. Но почему-то она запала в мою душу, и я частенько вспоминаю её, особенно, когда вижу гуляющие по коридорам пары из пациентов или навещающего и пациента. Однако в этой легенде нет ничего похожего.

Хочу вспомнить её так, как то рассказывала сама Каролина.

Его звали... а может, и зовут до сих пор, Джейсон. Её звали Элис. Всё в их жизни было прекрасно до тех пор, пока у неё не обнаружили болезнь.

Начиная со школьной скамьи, эти двое всегда были вместе. Они сидели за соседними партами, бросали друг другу записки, бегали в столовую на перегонки, часто торчали у автоматов с колой, возвращались домой, держась за руки. Став взрослее, поняли, что не могут жить без своей половины. Половины – в прямом смысле слова. Думалось, что только близнецы могут чувствовать своего однояйцевого родственника и кричать от боли, когда тот повредился. Но влюбленные, нашедшие себя в другом человеке, ровно как близнецы. Мысленное, молчаливое общение, сверхчувствительность на расстоянии, полное понимание и доверие. Всё это было в их отношениях.

Понимая, к чему идёт дело и на что он должен решиться, Джейсон самолично приготавливает ужин и накрывает на стол, чтобы показать всю серьезность его намерений. Белая скатерть на круглом столе, два стула, подсвечник с горящими свечами, открытка и красная коробочка. А вокруг тишина, и только шепчущий стрекот сверчков напоминает о существовании жизни вокруг. Тонкие черные ветки деревьев за кирпичным бортиком переплетались между собой, образуя паутину, сквозь которую сверкала полная луна. Матовый свет мягко лился на стол, выделяя его среди всего.

«Дорогая Элис,

Ты стала для меня всем.

Ты стала целым миром с тех пор, как мы встретились в классе. А за все эти годы я только удостоверился в том, что ты очень нужна мне. Необходима.

Я был бы потерян навсегда в сумбурном потоке жизни, если бы не ты.

Элис, ты выйдешь за меня?»

– гласила открытка.

Увидев всю искренность чувств Джейсона, его заботу и любовь к ней, девушка тут же согласилась. Они не медлили со свадьбой, но не стали разглашать о том на весь мир. Их маленький семейный уголок был намного просторнее и целой планеты. Летние прекрасные дни они проводили на берегу озера Соломона, осенью в их домик приезжала племянница Чарли, которая сильно любила и тётю, и дядю. Зимой они перебирались в дом Джейсона, где жили его престарелые родители и где они разговаривали по душам длинными белыми вечерами у теплого камина. Весна была для них непредсказуемым временем года, потому что они могли уехать в другой штат или другую страну.

Не было бы истории, если бы ничего не случилось в ней.

Элис была больна. Пытаясь помочь своей любимой, Джейсон часто придумывал ей загадки, чтобы её мозг не переставал работать. Всё свободное время он посвящал поиску лекарства от страшной болезни, которая ставила всю их совместную жизнь под удар.

Очень давно недалеко от домика, в котором они жили, была построена больница для пациентов с неврологическими заболеваниями. Но спустя несколько лет её закрыли, потому что «лечили там меньше всего как людей, но больше всего как лабораторных экспериментов», как гласила табличка боковой части больницы. Вскоре из больницы сделали поместье. Вернее сказать, больница была разделена на две части, одна из которых стала поместьем-пансионом, а вторая осталась в своем запущенном, заброшенном виде. Эту Мэддисоновскую больницу, как

она называлась первоначально, выкупил Джейсон и его друг детства Хьюго. Они и открыли этот пансион, куда поместили Элис для выздоровления.

Пока Джейсон спешно пытался найти способ вылечить любимую, Хьюго поддерживал жену друга морально, навещая её два раза в неделю. Бедная девушка, которая так хотела провести каждый оставшийся день в её жизни с мужем, разрывалась от теплых чувств к Хьюго и долга к Джейсону. Мужчины создали лекарство, что начало помогать ей. Проблемы отступали, Элис шла на поправку, здоровье крепло. Джейсон подозревал, что потерянное им время в лабораториях он не сможет вернуть, потому он повез Элис к её любимому месту – на озеро Соломона.

Однако солнце всё же закрывало тучами. И девушке становилось хуже. Она понимала, что продолжаться это не может, что лекарства от этой мерзкой болезни им не найти, но старалась не подавать виду. Джейсон чувствовал, что подобное могло произойти и что она будет всё чаще и чаще задавать по утрам одни и те же вопросы. Элис забывала то, что происходило вчера, позавчера, месяц назад. Таков был побочный эффект лекарства.

Ей снова пришлось поселиться в Мэддисоновском поместье, скучном, однообразном, надоедающем. Хьюго навещал больную, не считая её таковой. Но что-то происходило с бедной девушкой: она часто злилась, редко разговаривала, рисовала одну и ту же картину в разных размерах, писала неизвестному лицу письма. Всё чаще она оставалась одна.

Но целую неделю каждое утро она видела озабоченное, осунувшееся лицо Джейсона, спрашивала его, как долго она спала, что он делал вчера и почему Хьюго не навещал её. Ответ был всегда одинаков, но его она не помнила.

Закончив картину, Элис сбросилась с балкона поместья.

После похорон Хьюго женился и уехал, а Джейсон пропал.

Однако это Мэддисоновское поместье до сих пор носит в себе воспоминание о тех днях и этой истории.

Глава 2

Каролина рассказывала в тот день очень вдохновенно и чувственно. Закончив обедать, все разбрелись по своим палатам к ожидающим пациентам, но я же долго рассуждал о чем-то мне непонятном. Сидел на стуле, словно приклеенный. Смотрел в одну точку, а в голове медленно крутились шестеренки, пытавшиеся «переварить» услышанное. Чашка с кофе так и застыла в моей руке, не добравшись до губ.

– Мистер Нил. Что с Вами? – позвала меня Каролина, убирая чашки со стола.

Глаза сдались первыми. Сглотнул и рывками опустил чашку на стол.

– Извини. Я задумался.

– Не стоило мне этого рассказывать, – сказала она беспечно.

– Почему? Мне очень понравилась эта история, – потирая ладони о карманы халата, произнес я.

– Дело не в том, понравилась она или нет, – она скривила губы. – А в том, что многого здесь не хватает.

– Ты о чем?

– Это как рамка для пазла, но самого пазла еще нет, – пожалала она плечами.

– То есть как это – нет? – бровям внезапно захотелось срастись.

– А так, – Каролина остановилась, развернувшись ко мне. – Что на самом деле, эти двое очень сильно любили друг друга, настолько сильно, что весь мир мог им позавидовать. И вся зависть мира сконцентрировалась в одном человеке – в Хьюго. Он тоже любил Элис. Иначе бы он не стал вкладывать деньги за четверть Мэддисоновской больницы, не стал бы навещать бедную девушку, не помогал бы создать лекарство от болезни. Он бы не делал ничего, – мне показалось, что на её глазах проступили слезы, но она быстро опустила голову, хватая другую кружку, и я не успел разглядеть лицо. – Но ради неё он пошел в медицинский, ради неё подсказывал Джейсону пути стимуляции мозговой деятельности, ради неё приходил в поместье, ради неё терпел все вспышки ярости, ради неё он заставил Джейсона страдать.

Её лицо внезапно вытянулось, она отвернулась.

– Что? – мне показалось, что я неправильно её услышал. – Повтори, пожалуйста.

– Что повторить? Вы о чем, сэр? – она поправила волосы и подошла к двери. – Мне пора, меня ждет пациент.

Створка хлопнула, и в ординаторскую влетели крики. Я, забыв обо всем, выбежал из кабинета, чтобы наказать нарушителя законов Больницы.

Глава 3

Возможно, я бы не вспомнил эту историю, ведь прошло много времени с тех пор, но в моё отделение однажды прибыл новый житель. Девушка 23 лет жаловалась на свою забывчивость, чтобы успокоить её, я предложил обследование. Обнаружилась фиксационная амнезия. По своей сути, ничем серьезным она не угрожала: мы часто забываем какие-то мелочи, случившиеся с нами в недавнем времени. Но исключать прогрессирование болезни я не мог, однако сообщать непроверенную информацию не стал. Она лежала еще неделю.

Каждый день к ней приходила пожилая мама и маленькая девочка, которая, как мне казалось, была её сестрой. Сидели они не долго, уходили обеспокоенные, но со мной не говорили. Однажды в наше королевство попал странный юноша с букетом цветов и пакетом фруктов. Медсестры, как то им полагается, шептались и думали, что этот молодой человек недавно стал отцом и пришел поздравлять молодую маму. Но спросил он дорогу не в родильное отделение, а в нейрохирургическое. Каково было общее удивление, когда все увидели, как его халат мелькает в дверях палаты той девушки с легкой амнезией. Я не был обескуражен, когда услышал крик и стуки. Ошалевший парень выскочил из палаты не оглядываясь. Мать с девочкой ходить перестали, а юноша наоборот стал навещать как можно чаще.

Медсестры, конечно же, разузнали всё из первых уст. Девушка с амнезией перед тем, как лечь в больницу, поссорилась с юношей, поскольку тот давал себе возможность исчезать и не появляться долгое время. Не оповестив его о том, что она теперь – обитательница Больницы, молча волновалась и тем самым ухудшала результаты анализов. После их примирения всё стало налаживаться. И теперь я часто мог видеть их гуляющими по коридорам.

Вот откуда начались мои размышления о навещающих родственниках и пациентов. Понимаю, что история о влюбленных и история о борющихся с амнезией не похожи друг на друга. Но именно тогда я вспомнил этот рассказ. И тогда же в душу закрались сомнения.

Не могла эта легенда заканчиваться именно так: смерть, женитьба и исчезновение.

Глава 4

Сегодня по графику моё дежурство. Я остаюсь один на один с грозной медсестрой, переехавшей сюда из соседнего штата. Не сказал бы, что рад этому, но и не расстроился, потому что её строгость и расчетливость вселяли в меня уверенность за нашу медицину. Чего не скажешь о других медсестрах. Бросив халат на спинку дивана, я сел и подергал чайный пакетик за веревочку. Меньше всего хотелось, чтобы в эту ночь привезли кого-нибудь или чтобы у кого-нибудь случился припадок.

Дверь в ординаторскую медленно открылась, но я не повернулся. Не было желания это делать.

– Доктор Нил? – услышал я за спиной удивленный голос.

Чай двумя каплями упал на колени. На пороге стояла Каролина, держа в руках шапочку.

– Добрый вечер, – ответил я в тон ей. – Что-то случилось?

– Элвина попросила меня заменить её.

– Ах, вот как, – внезапно я расстроился, потому что эта своенравная медсестра никогда не предупреждала о своих уходах, но лишь сказал: – Ну, что ж. Непокойной нам ночи.

– Непокойной, – проговорила она.

Несколько несмелых шагов в сторону вешалок, рваные движения во время снятия верхней одежды, взгляд, полный замешательства, сжатые зубы и выпирающие щеки. Я вернулся к чаю. Медсестра набросила на себя верхнюю часть костюма и остановилась. Мое присутствие мешало ей переодеться.

– Доктор Нил?

– Просто Майкл, – бросил я и вышел.

Коридоры такие тихие. Белый свет потолочных ламп освещает стены через промежутки, от чего пол похож на зебру. Плотнo прижатые двери палат. Стол-приемная и стопки листов. Вдали у окна покоилась использованная капельница. За спиной коридоры тоже уходили в бесконечность. Одинокaя каталка. Над одной из палат произрастает вьющийся плющ.

Это похоже на какую-то странную сказку, странный ужастик, странную басню, странную трагедию. Все они странные, потому что ничто из этого не сравнится с королевством Больница. Казалось, она способна поглотить всех и вся. Даже та девушка с амнезией не сдержалась и поддалась влиянию – закричала на юношу. Но пока ты не закричишь от боли и отчаяния, кто тебя услышит? Никто. Кроме пустых стен Больницы. Да и те не ответят.

– О чем Вы так задумались?

– Да так, – ответил я, опуская голову вниз, разглядывая свои кроссовки. – Чем планировала занять себя? – обернувшись, увидел на ней новый костюм, улыбнулся, одобряя его.

– Я взяла книгу. Но мне не хочется читать, – она говорила размеренно, слегка задумчиво.

– Сегодня удивительная ночь, – произнес я то, что давно крутилось в голове.

– Странная, – озвучила она еще одни мои мысли.

Мы вернулись в ординаторскую. Я взял в руки остывшую кружку, неприятно кольнуло в кожу и в душе. Посмотрел на севшую напротив медсестру. Каролина закинула ногу на ногу, брюки костюма немного задрались, открывая миру щиколотки девушки. Она придвинула к себе сумочку, с неприятным шумом раскрыла её и обеими руками залезла внутрь, словно совершала там операцию на органах желудочно-кишечного тракта. Я непроизвольно поморщился, опуская глаза в пол. Руки желали скорее отделаться от надоедливой холодной кружки, потому она плавала между мной и столом, мучимая моими верхними конечностями.

– Почему Элвина не смогла прийти на дежурство? – спросил я, собираясь с мыслями для того, чтобы начать серьезный разговор.

– Она сказала, что у её матери вчера ночью болело сердце. Потому она не захотела оставлять её одну, – Каролина наконец завершила «операцию» и вынула книгу.

– Почему она всё никак не положит мать в больницу? – некоторое чувство гордости возникло у меня за это слово.

– Возможно, думает, что никто не в состоянии помочь ей, – девушка пожала плечами и положила на колени шапочку.

Мне чрезвычайно сильно хотелось ответить, но я знал, что высказывать свои мысли ей не имело смысла: они её не касаются. Позже сам поговорю с Элвиной. Пусть не думает, что я ни на что не способен.

– Знаешь, я хотел тебя спросить кое о чем, – сказал я после некоторого молчания.

– Правда? – удивление подал только голос.

– Н даа, – протянул я, наконец отставив кружку. – Помнишь, ты рассказывала о двух влюбленных?

– Что-то не припомню такого, – шикнула она, опуская глаза и раскрывая книгу.

– Это было давно, но вряд ли ты забыла ту «легенду».

– «Легенду»? – ресницы вскинулись. – Вы про... Элис и Джейсона?

– Да, про них.

– Что Вы хотели, доктор Нил? – обозлилась она.

– Каролина, пожалуйста, я старше тебя всего на два года.

– Прости...те, Майкл, – губы, казалось, мучительно скривились.

– Ты сказала, что то была не вся история, не так ли?

– Да, но... – ладонь легла на шею.

– Что-то не так? Это же всего лишь легенда, верно?

– Не совсем, – она выдохнула, понимая, что я не сдамся. – Это не легенда и не выдумка. Всё, что я рассказала, было на самом деле. Но я не всё рассказала верно, вот в чем дело.

– Можешь ли ты мне поведать эту историю?

– Зачем Вам... тебе знать настоящую историю? Она нисколько не интересна, – быстро проговорила она и еще раз раскрыла книгу, но страница оказалась другая, а глаза все равно делали вид, что бегают по строчкам.

– А то, что ты читаешь, интересно? – выпалил я.

– Майкл. Зачем тебе знать то, что не должно касаться чужих ушей? – её губы сжались то ли от злости, то ли от страха, то ли по иной причине, которая мне не известна.

– Чужих? Значит, ты не «чужая» для этой истории?

Она хотела что-то возразить, но воздух в её легких перестал двигаться, и голова молча опустилась в книгу. Настойчивость может её спугнуть или навсегда сделать нас врагами, но мой интерес разогрет до невероятной температуры, и кто мне подскажет, как его остудить?

– Каролина, я не собираюсь совершать что-либо ужасное. Что может быть плохого в том, что я пытаюсь узнать настоящую историю? Разве это запрещено законом?

– Не стоит воскрешать призраков прошлого, – шепнула она и поднялась, решаясь выйти.

– Я не договорил, – колеса телеги развивают огромную скорость, а тормозов нет. – Что стоит тебе рассказать мне эту историю? Хочешь, я заплачу тебе?

– Это не смешно, – прыснула она, проходя мимо меня.

Я вскочил. За два шага настиг девушку, схватил за руку, которая держала книгу, и, взглянув в глаза, спросил:

– От чего ты бежишь, Элис?

Я почувствовал, как её дыхание прекратилось. словно вентиль поступления кислорода повернули. Она сделала вымученное лицо и попыталась вырваться. Я держал намного сильнее.

– Отпусти меня! – взмолившимся голосом произнесла она.

Встряхнув её, я повторил свой вопрос настойчивее и грубее. Она подняла на меня глаза и оскалилась. Никогда мне не думалось, что я буду делать такое в Больнице. Хорошо, что вечные стражники королевской четы нас не видели.

– Скажи мне, Элис! Это ты убила Джейсона?

– Хватит, отпусти меня! Иначе я вообще ничего не скажу!

Кони остановились. Пальцы разжались сами собой. И тогда пришла мысль, что я оставил следы на её нежной, женской коже. Пыль на дороге, взвита до небесной высоты, не давала возможности увидеть, как долго телега была погоняема. Стоя, как болван, я смотрел на маленькую руку, прижатую к животу. На глазах её проступали слезы. Мне ничего не оставалось сделать.

– Извини, – как можно более теплое объятие хотело вернуть всё на место. Я ясно чувствовал, как сердце в её груди билось словно у марафонца, жар по телу разливался быстро и передавался мне. За какие-то считанные секунды мы оба пережили серьезный стресс. Тихо шепнул: – И за это извини, Каролина.

Кто вообще давал разрешение стегать бедных лошадей без моего ведома? Или это я, распалившись, так издевался над ними, что мог убить? А ведь и телега могла сломаться, и колеса могли отвалиться, и кони могли издохнуть сразу. Ничего этого не произошло. Весь механизм был остановлен. Осталась только пыль над дорогой, которая еще не скоро осядет, а может, будет там всегда.

Девушка была поражена быстрой сменой моего поведения, она молча смотрела на меня снизу, лишь слезы продолжали катиться по щекам. Еле мне удалось уговорить её пойти в уборную, чтобы успокоиться. Спустя некоторое время она вернулась и села напротив меня. Я не хотел смотреть на неё, вспоминая то, что происходило недавно. Пытался не поднимать глаз, чтобы не показать своей надменности и возвышенности над ней, как над подчиненной. А сердце не переставало стучать ни на секунду с того момента, как я стегнул лошадей впервые. Почему оно не затихло даже после остановки? Стыд брал меня изнутри. Не знаю, как я буду работать с ней дальше.

Она потеряла ладони о колени, выдохнула. Я не чувствовал её взгляда на себе, но вся ординаторская наполнилась чугуном, и хотелось, чтобы он придавил меня как можно скорее. Каролина проговорила хриплым голосом:

– Хорошо, я расскажу эту историю.

Глава 5

Она взяла с меня обещание молчать. И еще одно обещание – не искать подтверждения её словам.

В ординаторской стояла гробовая тишина. Это ничуть не преувеличение: девушка даже не двигала глазами, и грудь, казалось, замерла. Я медленно сложил пальцы в замок и был готов спросить её, но она подняла голову и начала говорить:

– Извини, это нелегко вспоминать. Для меня прошло недостаточно времени, чтобы абсолютно забыть тот ужас, – она вздохнула, остановившись. – Мне очень много стоили те дни и те, что шли за ними. Я не знаю, как я не сошла с ума, – она хотела рыдать, я слышал это. – Но до сих пор мне не понятно, почему всё закончилось именно так...

Я хотел прервать её, но пресек своё желание, поскольку знал, она расскажет всё, если я не буду давить и молча выслушаю. Каролина-Элис закрыла глаза, мне показалось, что веки её стали свинцовыми, тяжелыми.

– На самом деле, как я и рассказывала до этого, Элис и Джейсон были знакомы со школы, – меня не удивило, что она говорила о себе в третьем лице. Так она могла отстраниться от ситуации и взглянуть на неё непредвзято. – Не могу сказать точно, когда между ними вспыхнули чувства, потому что они общались так тесно, и это общение каждый день становилось всё более близким. Как обычно то бывает, школьные друзья становятся влюбленными на всю жизнь, – её губы скривились, хотя мне было непонятно от чего. – Вместе приходили в школу, сидели за соседними партами, перебрасывались записками, ходили в столовую и сидели за одним столом, читали одни и те же книжки, вместе уходили домой. Всё это было так естественно, что никому и в голову не приходило, что вся история обернется именно так, – ладонь легла на лоб и спустилась на глаза. – Хьюго тоже привыкал к ним двоим, но понял свои чувства позднее, чем Джейсон. Они закончили школу и пошли в один медицинский университет. Хьюго опоздал на год и не попал с ними в выпускной год, но он считал это своим преимуществом, он хотел доказать Элис, что достоин её, что он лучше Джейсона-выскочки. Доказать Хьюго не успел, – она снова опустила голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.